

RECENZIJOS

К. Мустейкис, **Сопоставительная морфология русского и литовского языков**, Вильнюс, 1972, 288 стр.

До сих пор в сопоставительном плане рассматривались лишь отдельные языковые факты и грамматические категории русского и литовского языков в зависимости от интересов исследователя. Рецензируемое учебное пособие К. Мустейкиса — это первая попытка описать и осмыслить всю морфологическую структуру двух родственных языков. Поэтому выход в свет „Сопоставительной морфологии русского и литовского языков“ — явление значительное и радостное для всех филологов. В ней анализируются все части речи, указываются основные особенности отдельных грамматических категорий, выявляется специфика образования и функционирования грамматических форм в сопоставляемых языках. Поэтому прежде всего следует отметить практическое значение книги: она может быть хорошим подспорьем для преподавателей как русского, так и литовского языков.

Положительным в книге является стремление автора показать функциональную сторону грамматических категорий и форм, которые в сопоставляемых языках зачастую употребляются по-разному. Поэтому анализ аналогичных категорий или форм в пособии нередко переплетается с исследованием вопросов другого характера: как, какими языковыми средствами выражается в сопоставляемых языках определенное грамматическое значение. Во многих случаях подбор и объяснение соответствующих параллелей проводится автором хорошо, убедительно; кроме того, отме-

чаются все смысловые оттенки исследуемых явлений (ср. категория падежа имен существительных, степени сравнения качественных прилагательных, относительные прилагательные, причастие и др.).

Однако более глубокое ознакомление с рецензируемым пособием оставляет противоречивое впечатление. Прежде всего бросается в глаза то, что книга К. Мустейкиса в целом написана довольно неровно. Одни темы и разделы представляют собой почти законченное исследование, отличаются аргументированностью тех или иных положений, подбором интересного фактического материала. Это — анализ категории числа, категории одушевленности и неодушевленности имен существительных, категории склонения глагола, наречий, а также отчасти — числительных, местоимений, служебных частей речи, хотя и в этих разделах встречается одно-другое спорное положение, не совсем четкое объяснение некоторых грамматических явлений, имеются едва ли нужные в такого рода книге темы (напр., происхождение прилагательных, предлогов), а иногда автор проследживает функционирование лишь одного или нескольких слов литовского языка и их соответствий в русском языке, что представляет собой исследования лексикологического характера (ср. анализ местоимений на стр. 100—117 и др.).

Остальные же разделы „Сопоставительной морфологии“ отличаются некоторой непоследовательностью изложения, неубедительными выводами, склонностью ав-

тора абсолютизировать те или иные положения, хотя они заключают в себе признаки, характерные лишь для небольших групп слов. Все это порой производит впечатление поверхностного исследования отдельных вопросов и, кроме того, дает возможность поспорить с автором¹.

1. Прежде всего следует отметить довольно своеобразную интерпретацию некоторых теоретических вопросов, с которой едва ли можно согласиться на современном этапе развития науки о языке.

1.1. Словообразование, по мнению автора, является разделом морфологии (стр. 13), хотя в последнее время оно рассматривается лингвистами как особый раздел языкознания. Даже термин „морфологические свойства“, применяемый автором при анализе отдельных частей речи, понимается как „система грамматических категорий и форм и система словообразовательных средств (см. сноску на 25 стр.). Видимо, по этой причине вопросы образования некоторых групп слов (вопреки предупреждению автора, что особенности словообразования рассматриваться не будут — ср. стр. 13) поднимаются и в разделе „Структура слова“, и при анализе отдельных частей речи (33—40 и 271—2 стр. — образование сущ-ных; 129, 131, 137—9, 169, 171 и др. стр. — образование глаголов и т.п.).

В связи с этим следует отметить, что в некоторых случаях способ образования слов автором определяется неправильно, так как не учитывается мотивирующая основа слова. Например, объясняя разницу между словами русского языка *отход* и *отходы* и их литовских соответствий, автор пишет, что „существительное *atsitraukimas* — *отход* образовано от глагола

trauktis...; а существительное *atliekos* — *отходы* — от глагола *likti*...“ (стр. 22, сноска 1), в то время как оба существительных образованы от приставочных глаголов *atsitraukti* и *atlikti*. На стр. 23 указывается, что „довольно часто семантические эквиваленты могут быть образованы по разным моделям, ср.: *po + бег* — префиксальный способ (т.е. безаффиксный — Э. Г.) образования и его лексический эквивалент *ра + бег + им-ас* — префиксально-суффиксальный (т.е. суффиксальный — Э. Г.) способ образования“. Следовательно, словообразовательный анализ смешивается автором с морфемным анализом слов. Иногда же вопросы формообразования четко не отграничиваются от словообразовательных. Так, едва ли правильно ограничения в образовании деепричастий — одной из неспрягаемых форм глагола — назвать „словообразовательными особенностями“ русского языка (стр. 225; ср. также выражение на 68 стр. — „форма *лучше* по словообразованию соотносится с прилагательным *хороший*...“).

1.2. Своеобразно объясняется в книге применение трех критериев, на основе которых слова распределяются по частям речи. Автор, увлекшись внешними, формальными признаками слов, в главе „Части речи“ пытается доказать, что „далеко не всегда необходимо опираться на все три критерия“ (стр. 27). Необоснованными, на наш взгляд, являются рассуждения автора о том, что при отграничении имен прилагательных от существительных в русском языке „наряду с другими критериями немаловажную роль играет форма слова“, так как они отличаются друг от друга по форме (ср.: *высокий дом*), а в литовском языке „основными критериями их разграничения является семантика и синтаксическая функция“ (стр. 27, 57—8), так как они совпадают по форме (ср.: *aukštas namas*). Но достаточно привести другие примеры (ср. сестрина книга, мамино пальто, отцов дом; *sena pilis*;

¹ Мы не касаемся тех недочетов, которые отмечаются в рецензии Ю. В. Откупщикова, см. Русский язык в национальной школе 5 (1974) 86—90.

graži diena, aštrus peilis), чтобы убедиться в обратном: по форме эти слова „совпадают“ в русском языке и „не совпадают“ в литовском. Этим же доказывается и спорность другого положения автора, что „если в литовском языке под схожей формой заключается разное содержание, то в русском языке слова с разным значением обладают разными формальными показателями“ (стр. 27); сделанного на основе небольшой группы имен существительных и прилагательных мужского рода.

1.3. Едва ли можно согласиться с мнением автора, что деление всех слов на самостоятельные и служебные „во многом обусловлено тем, что одни слова распадаются на две части, а другие представляют собой неделимые единицы“ (стр. 28; выделено нами — Э. Г.). Какие две части здесь имеются в виду?

На основе объяснения автора, что „большинство самостоятельных частей речи представляет собой изменяемые слова“, а служебные „не изменяются“ (стр. 29), мы можем делать предположение, что здесь имеются в виду структурные типы слов, т.е. слова с формами словоизменения и слова без форм словоизменения. Однако сноска 2-ая на стр. 28, — где сказано, что „и среди самостоятельных слов можно найти такие, которые не поддаются разделению на части. Напр.: *жаль, лень, очень, здесь, рад* и др.“, — вносит еще большую путаницу в решение данного вопроса: в одном ряду оказались и слова неизменяемые, и слова с формами словоизменения (ср.: *рад, -а, -ы; лень, о лени* и т.д., если это имя существительное), которые в им.п. имеют нулевое окончание. Если же „неделимые единицы“ представляют собой слова с производной основой (ср.: *жаль, очень, рад*), то тогда остается неясным, можно ли отнести к служебным словам производные предлоги типа *благодаря, несмотря на* и др.

Таким образом, один из основных вопросов морфологии в данном пособии решается недостаточно глубоко и убедительно. Возможно по этой же причине междометия тоже оказались среди служебных слов (стр. 274), хотя в лингвистической литературе они рассматриваются как особый разряд слов.

2. Непоследовательность изложения, а иногда противоречивое объяснение некоторых языковых фактов в пособии встречается довольно часто. Напр., в разделе „Структура слова“, а также в главах, посвященных отдельным частям речи, много внимания уделяется функциям служебных морфем. Однако этот вопрос, от решения которого во многом зависит правильное объяснение процессов формообразования и словообразования, излагается автором довольно непоследовательно, а сам термин „функция“ не имеет точного значения. Доминирующей функцией морфем автор почему-то считает „грамматическую“ (стр. 13), т.е. формообразующую. Кроме того, часто употребляемое автором выражение „грамматические функции“ позволяет думать, что термин функция („роль“, „цель“) смешивается с термином „грамматическое значение“.

2.1. Неясным в книге является также содержание словообразовательной функции морфем. Судя по приведенным примерам и некоторым высказываниям автора, это понятие представляет собой единицу изменчивого характера, содержание которой меняется в зависимости от характера анализируемых слов и их форм, в частности, от вида глагола. Напр., когда приставки присоединяются к глаголам несов. вида, они выполняют „лексико-грамматическую функцию“ (стр. 15, ср. также раздел „Способы образования видов“), когда они присоединяются к глаголам сов. вида, то „играют только словообразовательную роль и лишены грамматического значения“ (стр. 130, 132). В литовском же языке, по

мнению автора, функция приставки „может зависеть от временной формы глаголов“, т.е. в формах прошедшего однократного и будущего времени некоторые приставки „меняют вид и лексическое значение глаголов“, в форме настоящего времени „приставки в ряде случаев лишаются грамматического значения“ (стр. 15, 155–157).

Такая интерпретация словообразовательной (лексико-грамматической) функции приставок является неубедительной. Прежде всего едва ли целесообразно акцентировать то, что приставки „меняют вид и лексическое значение глагола“ (стр. 15, 129 и др.; выделено нами — Э. Г.). Главным в данном случае является то, что приставки модифицируют лексическое значение глагольной основы. Значение сов. вида, придаваемое глаголам этими приставками, является, как отметил акад. В. В. Виноградов, „следствием тех лексических сдвигов, которые они производят в смысловом строе слова“².

Во-вторых, приставки, как известно, присоединяются к инфинитиву как мотивирующей основе, а не к отдельным формам глагола. Поэтому спорным является утверждение автора, что словообразовательная функция приставок зависит от временной формы глагола. Этот вывод автор делает на основе анализа некоторых глаголов движения, которые в литовском языке могут быть двувидовыми, т.е. в зависимости от контекста и временной формы могут употребляться то со значением сов. вида, то со значением несом. вида. Значение приставки от этого не меняется (ср.: *ateina* — идет сюда, *atėjo* — пришел). Таким образом, здесь функция приставки смешивается с употреблением глагола.

2.2. Формообразующая функция приставок в русском языке, на наш взгляд, в книге понимается чересчур широко.

² В. В. Виноградов, Русский язык, изд. 2, Москва, 1972, 421–422.

(Кстати, то же самое можно сказать о словообразовательной функции окончания, ср. анализ примеров типа *белый, синий, провод—провода—проводы* и др. на стр. 20–21). Автор пишет: „Во всех глагольных формах (кроме будущего времени) приставки имеют одно грамматическое значение (?) — меняют вид глагола. В глаголах совершенного вида будущего времени приставки указывают не только на вид, но одновременно являются показателем временного значения глагола“ (стр. 15). Далее автор уточняет это положение и подчеркивает, что „приставка, присоединяясь к глаголу в форме настоящего времени (...), получает дополнительное грамматическое значение будущего времени“ (стр. 16; выделено нами — Э. Г.). Это же утверждение повторяется и на стр. 158–9, где речь идет о формах будущего времени, т.е. автор постоянно внушает читателю мысль о том, что в русском языке данная форма образуется не от глагола сов. вида, а, наоборот, от глагола несом. вида в форме настоящего времени. Несмотря на то, что в книге имеются и некоторые оговорки, такая интерпретация формообразующей функции приставок остается неубедительной. С другой стороны, подобная интерпретация позволяет автору выделить еще одну сомнительную „отличительную черту“ между сопоставляемыми языками: в русском языке значение будущего времени выражается при помощи приставки, а не окончания (что автор считает отступлением от „общего правила“), в литовском же это значение выражается при помощи суффикса и флексии, а приставка „указывает только на вид“ (стр. 15).

Во-первых, грамматические значения в обоих языках, кроме окончаний, выражаются и другими языковыми средствами, напр., суффиксами, приставками, внутренней флексией и т. п. Во-вторых, литовский язык в данном случае отличается от русского тем, что каждая временная форма харак-

теризуется особой, „специальной“ системой личных окончаний, чего не наблюдаем в современном русском языке. В-третьих, приставки, как уже отмечалось, в обоих языках чаще всего выполняют словообразовательную функцию. Следовательно, между бесприставочной и приставочной глагольными основами имеются лишь деривационные связи (ср. *kalbėti* и *prakalbėti* — говорить и заговорить; *bėgioti* и *nusibėgioti* — бегать и набегаться); видовое же значение зависит от характера протекания действия, выражаемого приставочным глаголом. Поэтому неоднократное утверждение автора, что приставки в литовском языке „указывают лишь на совершенный вид“, является необоснованным.

2.3. Аналогично в книге рассматриваются и функции суффиксов. Прежде всего обращает на себя внимание своеобразная интерпретация „лексико-грамматического значения“ (!) глагольных суффиксов, в частности суффикса *-ну-*. Суть его, по мнению автора, заключается в том, что суффиксы „являются грамматическим средством противопоставления глаголов по виду и одновременно выражают способ глагольного действия“ (стр. 18). На стр. 130 подчеркивается, что при помощи суффикса *-ну-* образуются „формы совершенного вида“, — значит, суффикс выполняет формообразующую функцию. Когда же речь идет об омонимичном суффиксе *-ну-* (ср. *вянуть*, *мерзнуть*), то и значение однократности называется уже грамматическим (стр. 131; выделено нами — Э. Г.). Таким образом, значение (а также функция) данного суффикса в книге объясняется неодинаково. В связи с этим возникает вопрос, можно ли глаголы типа *толкать — толкнуть* считать видовыми парами, если лексические значения у них нетождественные? С другой стороны, можно ли деривационное значение суффикса *-ну-* отнести к грамматическим?

2.4. Противоречивым является также утверждение автора, что „все остальные суффиксы“ (кроме *-ну-*) „в русском языке выступают в качестве грамматического средства для образования глаголов несовершенного вида и указывают на длительность и повторяемость действия: *разбить — разбивать*“ и др. (стр. 18).

Когда объясняются литовские глаголы со значением уменьшительно-кратного действия (ср. *rašinėti*), то этим же суффиксам русского языка автор приписывает деривационное значение, так как подчеркивает, что значение соответствующих глаголов в русском языке „выражается двумя морфемами — суффиксом вместе с приставкой“, ср.: *ritinėti* — покатывать (стр. 18, 136, а также *писывать*, стр. 142). Следовательно, эти глагольные суффиксы выполняют и словообразовательную функцию, но в книге она игнорируется.

2.5. Вслед за другими лингвистами автор правильно отмечает, что глагольные суффиксы в литовском языке чаще всего (или почти всегда) „служат только для выражения разных способов действия“ (стр. 18). Однако к анализу некоторых суффиксальных образований автор подходит чисто формально. По мнению К. Мустейкиса, напр., суффикс *-inė-ti*, присоединяясь к бесприставочным глаголам, выполняет словообразовательную функцию и „лишается грамматической функции имперфективации“ (стр. 136, 18). Но может ли он „лишаться“ того, что ему не свойственно? Если же этот суффикс присоединяется к глаголам сов. вида, то он является „формальным признаком противопоставления глаголов по виду“ и „играет формообразующую роль“. Несмотря на то, что в обоих случаях суффикс имеет значение повторяемости действия (ср. *rašyti-rašinėti*, *perrašyti-perrašinėti*), автор все-таки делает вывод, что последнюю пару приставочных глаголов „можно счи-

тать чистовидовой“ (стр. 135; выделено нами — Э.Г.).

Сохраняя словообразовательное значение повторяемости действия, данный суффикс едва ли может выполнять только формообразующую функцию. Такой вывод в книге делается, видимо, на основе отождествления грамматического значения несов. вида со значением одного из способов глагольного действия. (Подобное понимание грамматического значения несов. вида позволяет автору утверждать, что даже суффикс *-dav-*, служащий для образования форм многократного прошедшего времени, является „формальным показателем“ и „морфологическим средством выражения несовершенного вида“, ср. стр. 144—145.) С другой стороны, мы не отрицаем и того факта, что в единичных случаях, когда суффикс *-inè-ti* теряет свое лексическое (деривационное) значение, он может выступать средством имперфективации³.

3. Непоследовательность изложения, противоречия наблюдаются и при анализе отдельных частей речи и грамматических категорий. Нередко это отражается и при выделении разрядов слов, разделов в книге. Напр., автор выделяет только два разряда имен числительных — количественные и порядковые, — рассматривая дробные и собирательные как разновидности количественных (стр. 82). Однако эта классификация не выдерживается при описании числительных (ср. также оглавление). В начале главы „Глагол“ (стр. 124) перечисляются все грамматические категории, среди которых указывается категория „залога (переходности и непереходности)“, т. е. ставится как бы знак равенства между этими категориями. При изложении этой темы, наоборот, „переходные и непереходные глаголы“ выделяются как большой

раздел, в который входят все вопросы, связанные с категорией залога (стр. 166—183; ср. также оглавление). Хотя автор предупреждает, что категорию залога не следует „смешивать с оппозицией переходных и непереходных глаголов, образованных при помощи аффикса *-ся*“ (стр. 178), план анализа данной проблемы все-таки вызывает такие ассоциации. Так как категория залога в пособии понимается как отношение действия только к субъекту (стр. 178), то, видимо, вопросы о возвратных, переходных и непереходных глаголах целесообразнее всего было бы рассматривать как самостоятельные вопросы, совершенно отдельно.

3.1. Упомянутыми погрешностями особенно отличается глава „Глагол“. Шире рассмотрим категорию вида, которая в книге объясняется довольно противоречиво и туманно.

Вслед за Я. Сафаревичем автор считает, что категория вида в литовском языке „в значительной степени зависит от временной формы глагола“ (стр. 124). Более того, по мнению автора, „видовая принадлежность литовских глаголов может меняться“ в зависимости от того, „в каком контексте, в каком значении употребляется глагол“ (стр. 141). В связи с этим возникает вопрос, имеем ли мы право называть категорию вида „специфической особенностью“ (стр. 125) и „грамматической категорией“ (стр. 139) балтийских языков, если она зависит от формы времени и контекста? С другой стороны, если категория времени является доминирующей в литовском языке, то неясно, почему в „Сопоставительной морфологии“ она как бы растворяется в категории вида (ср. оглавление), т. е. рассматривается в связи с анализом категории вида в плане взаимодействия этих категорий.

При такой интерпретации спорная в литовском языке категория вида становится еще более туманной. Напр., при ана-

³ См. Э. Галнайтите, К вопросу имперфективации глаголов в литовском языке, *Baltistica*, II (2) (1966).

лизе форм прошедшего времени отмечается, что „видовое значение“ глаголов, употребляемых в данной форме „определяется как морфологической структурой, так и его лексическим значением“ (стр. 142). Далее следует вывод, к которому пришел известный литовский лингвист Й. Яблонскис⁴, определяя вид глагола по характеру протекания действия (без учета временной формы глагола) и наличию или отсутствию приставки, а именно: „подавляющее большинство бесприставочных глаголов в обеих формах прошедшего времени относится к несовершенному виду“, а „основная масса приставочных глаголов“ — к совершенному виду (стр. 142–143; выделено нами — Э. Г.). Аналогичный вывод делается и при анализе форм будущего времени (стр. 160). Рассматривая формы настоящего времени, автор правильно отмечает, что ими обладают как бесприставочные, так и приставочные глаголы, но видовое значение этих форм не определяется. Бесприставочные глаголы, надо полагать, имеют значение несов. вида. Часть приставочных глаголов со связанной основой (*suvokti*, *privalėti*) в книге относится к одновидовым глаголам несов. вида (стр. 149). Другие глаголы такого же типа (*pažinti*, *suprasti*), по мнению автора, в форме настоящего времени имеют значение несов. вида, а в форме прошедшего и будущего времени — значение сов. вида. Однако, упомянутые глаголы и в данных формах могут иметь значение несов. вида в зависимости от контекста, т. е. они являются двувидовыми⁵.

Значение какого вида имеют все остальные приставочные глаголы (типа: *perskaityti*, *prakalbėti*, *išsimiegoti*) в форме настоящего времени, в книге не указывается (см. стр. 151–153). Упомянутые глаголы,

⁴ J. Jablonskis, *Rinkiniai raštai*, I, Vilnius, 1957, 292–295.

⁵ См. *Lietuvių kalbos gramatika*, II, Vilnius, 1971, 43–44.

по нашему мнению, являются глаголами сов. вида и поэтому не могут употребляться со значением настоящего актуального. Они выражают или постоянное, или вневременное действие, или употребляются со значением других времен, что подтверждают и примеры, приведенные в книге (стр. 153). Однако, такое предположение автор считает лишь „ложной ассоциацией“ (стр. 155) и отмечает, что „при определении вида приставочных глаголов не следует оперировать формами настоящего времени, которые используются в стилистических целях, ибо для установления видового значения такие формы ничего не дают“ (стр. 153; выделено нами — Э. Г.).

Таким образом, автор ставит читателя в тупик: вид зависит от временной формы (ср. 124 стр.), а временная форма в отдельных случаях (ср.: *išlaikau egzaminą ir važiuoju namo*, — стр. 153) не может служить основой для определения видового значения. Более того, по мнению автора, „наличие особой формы будущего времени *išlaikysiu* — *сдам*, форму типа *išlaikau* — делает ненужной для выражения действия, которое совершится в будущем“ (стр. 153; выделено нами — Э. Г.). Почему и когда такое употребление форм глагола является ненужным, в книге не объясняется.

Естественно, возникает вопрос, как определить видовое значение глагола, если он находится в исходной форме, в инфинитиве? И вообще — определить вид какого-либо конкретного глагола, руководствуясь концепцией автора, думается, было бы очень трудно и едва ли возможно.

Все это наглядно показывает несостоятельность точки зрения автора, что вид зависит от временной формы глагола. При таком понимании видов глагольная лексема расщепляется на отдельные формы, которые воспринимаются как самостоятельные единицы.

3.2. Грамматические значения видов в рецензируемой книге тоже не имеют той

четкости объяснения, которой следовало бы ожидать в учебном пособии. Автор при-
мыкает к той группе лингвистов, по мнени-
ю которых глаголы сов. вида имеют значе-
ние целостности действия, а глаголы
несов. вида лишены этого значения (стр. 127).
Как следует понимать эти значения, в книге
не указывается. Более того, эти термины
(целостность — процессуальность) в даль-
нейшем изложении почти не встречаются:
вместо них автор употребляет другие,
связанные со способами глагольного дей-
ствия. Так, в разделе „Способы образова-
ния видов“ много внимания уделяется
образованию глаголов со значением одно-
кратности (стр. 130—132) и повторяемос-
ти действия (стр. 133—140). Так как обра-
зование других семантических групп глаго-
лов в данном разделе не рассматривается,
то, естественно, термин „формы (глаголы)
сов. вида“ встречается рядом с выраже-
нием „однократность и мгновенность дей-
ствия“, а выражение „глаголы несов. ви-
да“ — наряду с „повторяемостью действия“.
Поэтому невольно создается представле-
ние, что грамматические значения видов
отождествляются с лексическими значени-
ями глаголов, тем более, что, говоря о
средствах выражения повторяющегося дей-
ствия, автор подчеркивает, что „Способ
повторяемости действия в русском языке
можно назвать грамматическим и абсолют-
ным“ (стр. 147). Грамматическим, по мнени-
ю автора, „он является потому, что ор-
ганически связан с категорией вида“.
Связь эта проявляется в том, что подавля-
ющее большинство глаголов с указанным
значением „образовано от совершенного
вида“ (ср. переписывать).

Однако значение повторяемости, а
также однократности, как известно, не
является общим для всех глаголов несов.
вида (и соответственно — сов. вида). На
это, между прочим, указывает и автор,
отмечая, что „большинство бесприставоч-
ных глаголов несовершенного вида не вы-

ражает значения повторяемости, хотя по-
тенциально такое значение возможно“
(стр. 147). Здесь автор имеет в виду способ-
ность глаголов несов. вида сочетаться
с обстоятельными словами, обознача-
ющими повторяемость действия (ср.:
по вечерам я читал газеты). Повторяе-
мость, выраженную лексическими (негла-
гольными) средствами (ср. стр. 145), автор
называет „контекстуальной“ и даже „грам-
матической“, так как „значение повторяе-
мости создается формой множественного
числа существительного *по вечерам*“ (стр.
147), с чем вряд ли можно согласиться.
С другой стороны, здесь автор противоре-
чит сам себе, так как на той же странице,
как уже было отмечено, дается другое
толкование „грамматической повторяе-
мости“.

В связи с этим следует отметить, что
повторяемость у бесприставочных глаго-
лов, выраженную при помощи суффиксов,
в литовском языке автор называет „лексиче-
ской“ потому, что эти глаголы с указан-
ным значением „не противопоставляются
глаголам совершенного вида“ (стр. 147).

Нужна ли эта сложная дифференци-
ация значения повторяемости действия?
Ведь она вносит лишь некоторую пута-
ницу, так как традиционные термины ис-
пользуются в непринятом для них значе-
нии.

3.3. Анализ же временных форм гла-
гола в книге показывает, что грамматичес-
кое значение целостности действия
тоже не характерно для всех глаголов сов.
вида: оно зависит от лексического значения
глагола. Так, пытаюсь доказать, что приставочные глаголы литовского языка в форме
настоящего времени не имеют значения
совершенного вида, К. Мустейкис подчер-
кивает, что „...целостным действие может
быть воспринято только в прошлом или
будущем“ (стр. 155). А если эти формы
глаголов употребляются со значением
прошедшего или будущего (ср. примеры

на 153 стр.)? Однако, когда речь идет о глаголах в форме будущего времени, то в книге отмечается обратное: „Глаголы типа *пойду, пойду* лишены значения целостности действия“, так как они лишь „формально соотносятся с глаголами совершенного вида“, а „по значению они соотносительны с глаголами несовершенного вида“ (стр. 160). Последний вывод автор делает на основе сопоставления с литовским языком: этим формам соответствуют глаголы несов. вида, ср.: *пойду* — *eisiu* (но ср.: *приду* — *ateisiu*).

Таким образом, остается неясным, как понимается „целостность“ действия и что является основным различием между глаголами совершенного и несовершенного вида.

3.4. Видообразование, как известно, очень тесно связано с образованием глаголов, особенно в русском языке. В „Сопоставительной морфологии“ К. Мустейкиса эти вопросы настолько „спаяны“, что вообще трудно понять, где речь идет о видообразовании, а где имеется в виду образование глаголов с новым лексическим значением.

Прежде всего обращает на себя внимание нечеткое употребление терминов „видовая парность (пара)“, „видовое противопоставление“, тем более, что иногда в пособии они даются в кавычках (ср. 129, 132, 139 и др. стр.).

Сомнения вызывает также утверждение автора, что „так называемая видовая парность в значительной степени определяется контекстом, ситуацией“. Анализируется глагол *нести*, который „в зависимости от конкретной ситуации может входить в „видовую пару“ с разными приставочными образованиями. Ср.: *нести (в комнату) — внести, нести (из комнаты) — вынести...*“ (стр. 129). Когда рассматриваются русские соответствия литовским приставочным глаголам, то в пособии приводятся видовые пары уже другого ха-

рактера, ср.: *įeiti* — *войти* и *входить* (стр. 143).

Такую противоречивую интерпретацию видовой оппозиции, думается, нельзя объяснить замечанием автора, что „не решен окончательно вопрос, что считать видовой парой...“ (стр. 127). Окончательно нерешенным этот вопрос, видимо, можно считать лишь в том смысле, что он все время лингвистами уточняется (особенно в связи с разработкой смежной проблемы способов глагольного действия), в результате чего некоторые „бывшие“ видовые пары рассматриваются как самостоятельные глаголы (ср. кричать и крикнуть). Но основной тезис этого вопроса, — что видовые пары составляют глаголы с тождественным лексическим значением⁶ — остается неизменным. И этого следовало бы придерживаться автору пособия, рекомендуемого студентам.

3.5. Хотя в начале раздела „Способы образования видов“ перечисляются все способы видообразования, в дальнейшем (см. 128—140 стр.) они как бы остаются вне поля зрения автора. Поэтому создается впечатление, что в этом разделе (исключение составляют лишь §§ 89, 90) в основном рассматривается образование некоторых групп глаголов, выражающих отдельные способы глагольного действия, среди которых автор пытается найти видовое противопоставление (или пары). Думается, что автору удалось бы более последовательно изложить этот вопрос, если бы больше внимания уделялось одновидовым глаголам русского и литовского языков, о которых

⁶ См. В. В. Виноградов, указ. соч., 395; А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Русский глагол, Ленинград, 1967, 36; Современный русский язык, II (под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук), Москва, 1964, 144; Грамматика современного русского литературного языка, Москва, 1970, 337 и др.

в книге (как и о двувидовых, ср. 163 стр.) только упоминается (ср. 136 стр., а также в разделе „Вид и время“, ср. 149 стр.).

3.6. Игнорированием многих семантических групп одновидовых глаголов, видимо, объясняется и смешение значений лексического характера с видовыми, грамматическими. Кроме того, в значение некоторых семантических групп глаголов включается также значение неглагольных лексических средств аспектуальности, т.е. в пособии наблюдается смешение отдельных звеньев внутри функционально-семантической категории аспектуальности⁷. Напр., анализируя приставочные глаголы движения „однократного действия“, автор отмечает, что они „в формах настоящего времени могут употребляться для обозначения повторяющегося действия... Напр.: *Kiekvieną dieną aš parsinešu namo...*“ (стр. 157; ср. также *jis dažnai nueina į biblioteką*, стр. 156), хотя этот оттенок вносится лексическими средствами. Правда, иногда в пособии имеется намек на это (ср. примеры и объяснение на стр. 151, 157, 145), но тем не менее автором подчеркивается, что та или другая форма глагола выражает „регулярную повторяемость“, многократность действия. Поэтому некоторым глаголам приписываются значения (или оттенки), не характерные для них.

4. Как уже отмечалось, в пособии К. Мустейкиса имеется довольно много противоречивых утверждений, что тоже не способствует усвоению того или другого вопроса и вызывает недоумение.

4.1. Неодинаково в пособии решается вопрос о сложных временных формах глагола. Говоря „в самых общих чертах о категории вида“ (стр. 11–12), а также в главе „Глагол“, где речь идет о предикативных, спрягаемых формах (ср. 126, 146,

164 и др. стр.), форму *buvo išvažiuojes* автор называет сложной временной формой. Но в разделе о причастиях — это уже не сложные формы глагола, а причастия, которые „употребляются в роли основного компонента составного сказуемого и сочетаются с глаголом — связкой“ (стр. 215 и др.). Такая интерпретация вполне возможна в синтаксисе; но в пределах морфологии анализировать одно и то же явление по-разному (хотя и подчеркивается функциональная сторона причастий) едва ли целесообразно.

4.2. В § III, где рассматриваются значения возвратных глаголов, автор отмечает: „Семантическая разновидность (!?) возвратных глаголов определяется не многозначностью аффиксов *-ся (-сь)*, *-si- (-s)*, а лексическим значением отдельных групп глаголов“ (стр. 171; выделено нами — Э. Г.). Следовательно постфикс не является многозначным. Однако анализ возвратных глаголов показывает обратное: возвратная частица многозначна в обоих языках (ср. значения и примеры на стр. 171–173).

4.3. В разделе „Активные и пассивные конструкции“ много внимания уделяется употреблению страдательных причастий (стр. 179–183), так как „основным средством выражения пассивного значения является причастие“ (стр. 179–180). При этом подчеркивается, что „Творительный падеж агентивного дополнения в конструкциях с причастием в отношении выражения залога является избыточным“ (стр. 180). Однако в предыдущем разделе утверждалось, что „творительный агентивного дополнения — специфическая особенность страдательного залога вообще и при страдательном причастии в частности“ (стр. 175, 176). Может ли „специфическая особенность“ быть „избыточной“?

4.4. Говоря о частицах, автор отмечает, что в литовском языке имеется много имен существительных с частицей *-si-*,

⁷ См. А. В. Бондарко, Л. Л. Булантин, указ. соч., 49–51.

„образованных от возвратных глаголов“ (стр. 271). Следовательно, возвратная частица *-si-* имеется в мотивирующей основе (ср. *pasiaukoti—pasiauko-j+im-as*) и соответствующим образом меняет лексическое значение глагола (ср. *raaukoti* и *pasiaukoti*). Тем не менее автор подчеркивает: „Те значения, которые привносятся данной частицей в имена существительные, в русском языке, как правило, выражаются другими грамматическими средствами“ (стр. 271, ср. приведенные соответствия; выделено нами — Э. Г.). Эта неточность и противоречие бросается в глаза еще и потому, что на стр. 270—273 рассматриваются частицы второй группы, которые в обоих языках выполняют словообразовательную или формообразующую функцию, а дается анализ слов, образованных суффиксальным путем.

5. Большим недостатком учебного пособия является стремление автора на основе нескольких примеров делать обобщающие выводы, что вообще не свойственно для исследований по морфологии.

5.1. Так, говоря о синтаксических функциях причастий, К. Мустейкис неоднократно подчеркивает, что в отличие от русского языка в литовском языке они выполняют две функции — определения и второстепенного сказуемого (ср. 10, 205, 223 стр.). Во всех случаях автор приводит причастия, образованные от непереходных глаголов (ср.: *apsirengęs, išraudęs, pavargęs*), которые соответствуют деепричастиям в русском языке. Однако функцию второстепенного сказуемого в аналогичных конструкциях едва ли будут выполнять причастия, образованные от переходных глаголов, так как они обычно обрастают зависимыми словами, требуют дополнения (ср.: *perskaitęs knygą, parašęs laišką*). Следовательно, эти две функции характерны только для некоторых причастий литовского языка.

5.2. Анализируя словообразовательную функцию окончания, автор подчеркивает, что эту функцию оно выполняет и в тех случаях, когда „существительное обладает суффиксом“. В качестве примера приводятся однокоренные существительные с суффиксом *-um-*, которые с окончанием мужского рода обозначают „отвлеченное понятие“, с окончанием женского рода — „конкретный предмет“ (ср. *lygumas* — ровность, *lyguma* — равнина, стр. 20). Такое заметное расхождение в семантике указанных существительных наблюдается довольно редко. Чаще всего эти словообразовательные варианты выражают лишь различную степень абстрактности, напр. *tylumas—tyluma, gamumas—gamuma* и др.

5.3. Говоря о формах степеней сравнения прилагательных, автор указывает, что в литовском языке эти формы образуются и от некоторых действительных причастий (68 стр.). Этот вывод делается на основе четырех слов, которые только по своему происхождению являются причастиями, а в современном литовском языке употребляются со значением прилагательных (ср.: *dar pasiutesnė izoliacija* и др.). Следовательно, наличие форм степеней сравнения объясняется здесь процессом адъективации, в результате которого бывшие причастия приобрели некоторые признаки прилагательных.

5.4. Некоторые выводы в пособии делаются на основе слов вне контекста, хотя они являются многозначными. Поэтому неизвестно, какое значение слова имеется в виду. Напр., по мнению автора, „Своеобразной особенностью литовского языка является то, что в ряде случаев переходный (каузативный) глагол находится в оппозиции с двумя однокоренными непереходными глаголами“ (стр. 169—170; ср. *guti, gudyti, gudytis*). Однако многие глаголы с возвратной частицей *-si-* (*-s*), приведенные автором на 170 стр., тоже

могут быть переходными (ср.: *gydytis koja, šildytis rankas*). Следовательно, если эти же глаголы употребим в другом значении, то можно будет говорить об оппозиции непереходного глагола с двумя переходными.

Или другой пример. Доказывая, что один глагол, напр., *nešti*, „может сочетаться с рядом приставок“, все приставочные глаголы автор приводит в прямом значении (ср.: *atnešti* — принести), а глагол *pranešti* — в значении „сообщить“ и делает вывод, что семантика этого глагола „стирается“, что он „входит в другой семантический ряд: *pranešti* — сообщить, уведомить, известить, доложить“ (стр. 129). Это верно, но не следует забывать, что данный глагол прежде всего употребляется как глагол движения со значением „пронести мимо“.

6. В „Сопоставительной морфологии“ К. Мустейкиса некоторые традиционные лингвистические термины употребляются в другом значении (которое не указывается!), нечетко и поэтому у читателя часто возникает вопрос, о чем в книге идет речь?

6.1. Суффиксация (а также префиксация) обычно понимается как способ словоили формообразования. В пособии это — „морфологические средства, служащие для выражения видовой оппозиции“ (стр. 127), т. е. в значении „суффикс“ или „префикс“. Чистовидовая пара, образованная путем префиксации (ср. *слепнуть* — *ослепнуть*), почему-то называется еще „пустой“ (стр. 130).

6.2. „Однократность“ действия, как уже отмечалось, в рецензируемом пособии используется для определения значения сов. вида. Кроме того, данный термин употребляется еще в двух значениях. Прежде всего он имеет общепринятое значение, когда речь идет о глаголах с суффиксом *-nu-* (стр. 130). Во-вторых, употребляется в значении „некратность“ действия при анализе глаголов движения (ср.: *лететь* — *ле-*

тать), „среди которых можно усмотреть противопоставление однократность/повторяемость действия“ (стр. 134; ср. также анализ временных форм глаголов несов. вида типа *miegojo* — *miegodavo* и др., которые обозначают „и однократность, и многократность действия“, стр. 148).

6.3. Говоря о существительных, которые применяются для обозначения лиц мужского и женского пола (ср. *врач, профессор*), автор отмечает: „Установить, к какому роду относятся такие существительные, можно только на основе контекста, т. е. аналитически (ср.: *врач Иванов уехал, приехала врач Петрова* и мн. др.)“ (стр. 280; выделено нами — Э. Г.). Во-первых, эти существительные в русском языке всегда мужского рода, так что его устанавливать нет надобности. Во-вторых, выражение „на основе контекста“ — это не синоним термина аналитический (сложный) способ образования какой-либо формы. Здесь, видимо, нужно иметь в виду особенности согласования глагола в форме прошедшего времени с собственным именем существительным. По мнению же автора, падежную форму несклоняемых имен существительных (ср. *кино, пальто*) тоже „можно определить только аналитически“ (стр. 280).

Такая многозначность и неопределенность терминов, конечно, нежелательна в учебном пособии.

7. В пособии имеется также немало неточных выражений, формулировок. Напр., говоря об аналитических формах степеней сравнения прилагательных, автор указывает, что „местоимение *самый*“ служит для образования „новой формы с новым значением“ (стр. 70). С каким „новым значением“ — лексическим или грамматическим? Или: „Существительные, определяемые качественными прилагательными, могут противопоставляться друг другу в том отношении, что одни обладают ка-

ким-нибудь качеством в большей или меньшей мере, чем другие“ (стр. 66, ср. 72 стр.; выделено нами — Э. Г.). Имена существительные обозначают, называют предметы, которые и могут обладать качеством (а не слова!).

В § 71 анализируются случаи субтантивизации местоимения *viskas* (*viskas*, *visa*) и делается вывод: „Таким образом, то, что в русском языке в формах единственного числа выражается морфолого-синтаксическим способом (*все государство* и *все изменилось*) в литовском языке передается при помощи лексико-синтаксических средств (*visa valstybė* и *viskas pasikeitė*)“ (стр. 116). Морфолого-синтаксический способ — это переход слов из одной части речи в другую (по терминологии автора — „переход одних частей речи в другие“, ср. стр. 29, 31). Почему лексемы *visa* и *viskas* называются лексико-синтаксическими средствами, совершенно непонятно. Кроме того, здесь это ассоциируется с лексико-синтаксическим способом образования слов.

8. В некоторых примерах неправильно определяется принадлежность слова к той или иной части речи. Так, говоря о наречиях литовского языка с суффиксом *-un*, автор подчеркивает, что „в русском языке им часто соответствуют глаголы или наречия сравнительной степени вместе с глаголами“. Однако, во многих примерах в форме сравн. степени выступают не наречия, а имена прилагательные, ср.: *dienos eina šaltyn* — дни становятся холоднее и др. (стр. 236).

Слова категории состояния, как известно, употребляются в функции сказуемого в безличных предложениях. Несмотря на то, что в пособии это учитывается (ср. 241, 246 стр.), некоторые предикаты, встречающиеся в личных предложениях, тоже относятся к словам категории состояния (ср.: *Это легче всего*, *Все было голо и обнажено* и др. на стр. 244—245). Неубедительным является и объяснение

подобного употребления слов на *-o* (стр. 247—248; ср.: их „никак нельзя заменить ни прилагательными, ни наречиями“ — стр. 248).

9. В „Сопоставительной грамматике“ довольно часто литовские примеры переводятся на русский язык (или наоборот), но, к сожалению, не указано, кто перевел эти предложения — автор или переводчики художественной литературы. Некоторые слова (вне контекста) или определенные конструкции переводятся не совсем точно, и поэтому создается представление какой-то „натянутости“ языковых фактов для подтверждения мнения автора. Напр., слово *lygumas* во 2-м значении переводится „равенство“ (ср. 20, 38, 280 стр.), в то время как этому русскому слову адекватно „lygybė“. *Šventadieniai* переводится „по воскресным дням“ (стр. 56), несмотря на то, что *šventė* (*šventa diena*) понятие шире, чем воскресенье. Следовало бы „по праздничным дням“ (дословно) или „по праздникам“.

Не совсем правильно переводятся некоторые слова в определенных конструкциях, предложениях. Напр.: *jis nežinojęs* — он мол де не знал (стр. 220), где не следует употреблять две модальные частицы. Неточный перевод предложения *Oras jau atvėso* — воздух уже похолодел (стр. 217). В этом контексте слово *oras* = погода, наличие которого в русском тексте не обязательно. Слово *похолодел* употребляется с одушевленными именами существительными. Следовательно, эту фразу можно перевести так: „уже похолодало“.

Некоторые примеры, приводимые автором, не являются образцами литовского литературного языка. Ср.: *aš pajudėjau tam (!), kad patogiau įsitaisyčiau* (стр. 194), *Kadangi vaikas sveikas, jis linksmi žaidžia* (стр. 264) и т. п.

Все эти недочеты и недосмотры здесь отмечаются потому, что книга предназначена для студентов. Учебное пособие должно

содержать не только безупречно изложенный фактический материал. Оно играет важную роль и в лингвистическом воспитании: студенты должны привыкать к точным, правильным формулировкам. При повторном издании автору предстоит не только пополнить пособие „новым ценным материалом“, как подчеркивает редакция

журнала „Tarybinė mokykla“⁸, но прежде всего исправить все указанные и другие недочеты и хорошо отредактировать.

Э. Галнайтите

⁸ См. Ценное научное исследование, — „Tarybinė mokykla“, 7 (1974), 36.

Latviešu literārās valodas vārdnīca, 1. sējums, A, Rīgā, 1972, p. 517; 2. sējums, B—F, Rīgā, 1973, p. 550.

Turēdami thezaurus tipo Mülenbacho — Endzelyno žodyną, kur daugiausia dėmesio skirta liaudies kalbai, žodžių geografijai, latvių kalbininkai pradėjo leisti į dienos šviesą naują didelį leksikografinį darbą — latvių bendrinės kalbos 8 tomų žodyną. Kaip sakoma įvade, „vārdnīcā atspoguļoti literārās valodas vārdi, kā arī vārdu savienojumi, priedekļi, produktīvākie salikteņu pirmie komponenti, kuri lietoti kopš 19. gadsimta 70. gadiem (sākot ar brāļu Kāudzišu „Mērnieku laikiem“ un Apsišu Jēkaba stāstiem) līdz mūsdienām“ (I. 9). Vadīnasi, šitas žodynas parodys ne tikai dabartinį bendrinės kalbos būvį, bet ir jos kūrimąsi ir tvirtėjimą, t. y. dalį istorijos. Latvių leksikografai turėjo gerą pavyzdį — 17 tomų rusų bendrinės kalbos žodyną², juo daug kur rėmėsi, pagal jį tvarkė žodžių straipsnius ir kt.

¹ I tomo autoriai: R. Bāliņa, I. Ēdelmane, I. Grase, A. Melderis, Ā. Ozola, L. Roze, I. Rozenštrauha, M. Saule-Sleine, L. Smagare, M. Stengrevica. Redaktoriai: R. Bāliņa, S. Raģe, L. Roze, M. Stengrevica, D. Zemzare, ats. redaktorius L. Ceplītis, ats. red. pav. A. Miķelsone. II tomo autoriai: R. Bāliņa, V. Cīrule, I. Ēdelmane, A. Melderis, A. Miķelsone, Ā. Ozola, L. Roze, I. Rozenštrauha, M. Saule-Sleine, L. Smagare, M. Stengrevica. Redaktoriai: R. Bāliņa, S. Raģe, L. Roze, M. Stengrevica, ats. redaktorius L. Ceplītis, ats. red. pav. A. Miķelsone.

² Словарь современного русского литературного языка, I—XVII, М.—Л., 1950—1965.

Žodyne stengiamasi atspindėti visus bendrinės kalbos stilius. Suprantant, kad ne vien tik grožinė literatūra sudaro bendrinę kalbą³, žodyne panaudota daug leksikos iš įvairių mokslo, publicistikos, tautosakos⁴ veikalų. Nors mokslo, publicistikos knygos išrinktos tik nuo 1940 metų (išskyrus kalbininkų darbus, bet ir čia nėra J. Plakio, P. Šmito, D. Zemzarės darbų ir sutrinka žodyno istoriškumas), bet specialioji leksika pateikiama gana gerai. (Neradus kartotekoje sakinių, pateikiamas, žodynininkų žargonu tariant, plikas žodis arba tik kelių žodžių informacinis junginys: **aizgurkstėtis** ... Sniegs aizgurkstėjās zem gājēja kājām (I. 66). Taip daroma visuose bendrinės kalbos žodynuose, ypač mažesnės apimties, nors kai kuriems žodžiams buvo galima paieškoti sakinių, pvz., **aizguvums** yra vartojamas įvairiausiose knygose, o Žodyne jis „plikas“ (I. 67).

Žodžio straipsniai yra platūs, išsamūs, stengiamasi pateikti žodžių įvairią aplinką,

³ Žr. pastabas apie „Lietuvių kalbos gramatikos“ autorių susižavėjimą tik grožinės literatūros kalba, A. Girdenis, V. Žulys (rec.), — Baltistica IX 205.

⁴ Tautosaka ar tik daugiau nebus tarminės leksikos dalis, jos kaip ir vaizdingasis sluoksnis. Kartais ir morfologija yra grynai tarminė, kurią žodyno autoriai, rodos, be reikalo taiso: Tautu dėla kumelinis Kā ūdeņs atlīgoja LD 10022 (I 387). Tokių taisyčių yra labai daug, net Rainio kūrybos atvejais.